

Лебедев, С. Ю. «Социалистический модернизм» в рассказах А.П.Платонова / С.Ю. Лебедев // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: VII Міжнар. навуц. канф., 12 – 14 кастр. 2005 г., Мінск: зб. навуц. арт. У 3 т. Т. 2 / Беларус. дзярж. ун-т, філал. фак.; рэдкал.: Г.М. Бутырчык (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. С. 225 – 229.

Авторы: Лебедев, Сергей Юрьевич

Тема: Русская советская литература, Андрей Платонов.

Издатель: БГУ.

Аннотация: Анализируется специфика художественного мышления Андрея Платонова, его творческий метод. Анализ проведен с позиций методологии целостного подхода к литературно-художественному произведению. Выход на концепцию личности, представленную в произведении, – через анализ разных уровней стиля конкретных произведений.

Сергей Лебедев

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ МОДЕРНИЗМ» В РАССКАЗАХ А.П.ПЛАТОНОВА

Remaining adherent of the socialist realism, voicing the interests of the oppressed class the author creates in a paradoxical manner worlds where the idea of irrationalism of the given world arrangement is characteristic. Platonov`s characters`s actions have no motifs and the principles of it are determined by the law of socialist realism, the world itself for the author is modernistically absurd. The absence of motives in the fundamental “principles of conduct” in this world make Platonov`s stories similar to those works which are related to the modernism. It is exactly the stylization of the narrator`s speech that let the author express such an original and contradictory conception of Personality, and the artistic method of its application may be called “socialist modernism”.

Весь художественный текст, все повествование всегда есть выражение целостного художественного мира, субъектом которого всегда будет личность. Тип повествования, возложение функций повествователя на тот или иной субъект сознания всегда будут обусловлены концепцией личности и каждый раз будут выполнять определенные художественные функции.

По словам Б.О.Кормана, «реальный, биографический автор (то есть писатель. – С.Л.) создает с помощью воображения, отбора и переработки жизненного материала автора художественного <...>. Инобытием такого автора, его опосредованием является весь художественный феномен, все литературное произведение» [4:41].

Если автор (субъект, носитель сознания, смоделировавшего новый мир, который и является собственно воплощением автора) всем повествованием **связывает** свою модель мира с читателем, то повествователь – **функция, осуществляющая это посредничество, формально выраженный субъект развертывания** художественной модели мира.

Автор совпадает с границами художественного мира, он моделирует его, автор (повторим – не писатель!) – «последняя смысловая инстанция» (М.М.Бахтин). И если автор **на себя** возлагает функцию повествователя, то такой повествователь будет также совпадать с границами художественного мира, но **не находится внутри его**, и вестись повествование будет без формального выражения субъекта речи, то есть от третьего лица («аукториальное повествование»).

При таком повествовании в тексте могут наблюдаться оценки, выраженные, по словам М.М.Бахтина, **двуголосым словом** (см. [2], [3]). Часто бывают случаи (их подробно рассматривал М.М.Бахтин, анализируя творчество Ф.М.Достоевского), когда «в авторской речи дано явно персонажное восприятие» [1:43]. Присутствие в авторской речи «чужих» слов, создающее, по М.М.Бахтину, «двуакцентные и двустильные гибридные конструкции» [3:117] помогает повествователю не только глубоко проникнуть в сознание конкретного персонажа и убедительно выразить его, – но и как бы раствориться в описываемом мире, в **общественном** сознании этого мира. Однако – согласимся с исследователями – при такой диффузии разных сознаний «авторская точка зрения окончательно никогда не совмещается с точкой зрения персонажа, а часто и вообще противопоставлена в оценочно-идеологическом плане позиции персонажа» [1:46].

При такой «игре» с двуголосым словом в речи аукториального повествователя часто используется **стилизация**, то есть **целенаправленная имитация автором особенностей речи какой-либо общественно-политической, этнографической, социальной группы либо литературного или фольклорного стиля**. И эта «игра» не является самоцелью: она продиктована необходимостью выразить определенную концепцию личности, которая, следовательно, может быть воплощена именно таким способом. Все это наблюдается в некоторых произведениях А.П.Платонова.

Проза А.П.Платонова – явление для русской литературы особенное. В первую очередь (как замечают практически все исследователи, и что заметит даже неискушенный читатель),

уникальность произведений этого писателя – в необычном языке, которым они написаны. Однако истинная «непохожесть» платоновских рассказов, повестей и романов – не просто «в языке», а в том, **что** он этим – именно таким – языком выражает. «Сама по себе» языковая оригинальность в художественном творчестве не может быть «особенной»; его, языка, «особенность» всегда есть проявление чего-то «не-языкового», «над-языкового». Что «скрывается» за невозможным с точки зрения нормы платоновским синтаксисом, который ревностные почитатели «прогулки по тексту» зачастую провозглашают самоценным и самодостаточным?

Социалистическая система своим тотальным контролем над любым творчеством создала целую когорту писателей, которые фактически существовали и творили, но официально или не признавались, или были признаны как бы «наполовину». К последним относится и А.П.Платонов. Его рассказ «Усомнившийся Макар», написанный в 1929 году, и бедняцкая хроника «Впрок», созданная двумя годами позже, были объявлены И.В.Сталиным «двусмысленными» [б:21], чего стало достаточно для дальнейшего «оттеснения» писателя «с большой дороги» советской литературы на «обочину». И.В.Сталин, в отличие от многих современных «поклонников» творчества писателя, чутко уловил, что язык, которым написаны произведения, таит в себе какую-то скрытую «каверзу», чем-то не отвечал А.П.Платонов «идеологическим требованиям».

В довоенной малой прозе А.П.Платонова самыми яркими образцами «ломаного» стиля, «неправильной» речи являются, пожалуй, рассказы «Усомнившийся Макар» и «Государственный житель» (последний написан также 1929 году).

В обоих рассказах функцию повествования, развертывания созданного им мира на себя возлагает сам автор. Первичный субъект речи себя формально никак не обозначает: повествование ведется от третьего лица. Однако первые же строки обоих произведений дают читателю понять: речь автора, который сам выступает «посредником» между миром «своим» и миром читателя, нельзя назвать стилистически нейтральной. Повествователь как бы «выступает от имени и по поручению» определенного «слоя» общественного сознания своего времени – сознания «темного», дремучего, только начинающего осознавать свое «становление», способного быть выраженным только в форме агитационных речей, декретов, полуграмотных официальных бумаг, которые стали регламентировать жизнедеятельность всего советского общества. *«Пожилый человек любил транспорт наравне с кооперативами и перспективой будущего*

строительства» («Государственный житель»). «Среди прочих трудящихся масс жили два члена государства: нормальный мужик Макар Ганушкин и более выдающийся – товарищ Лев Чумовой, который был наиболее умнейшим на селе и, благодаря уму, руководил движением народа вперед, по прямой линии к общему благу» («Усомнившийся Макар») (здесь и далее цитаты из рассказов «Усомнившийся Макар» и «Государственный житель» выделены курсивом. Приводятся по изданию [6]). Автор-повествователь **стилизует** свою речь, «подстраиваясь» под речь своих персонажей, являющихся представителями того самого «населения», которое в созданном им мире не только говорит, но и мыслит таким языком. Если стилизация «под фольклор» осуществляется во многом лексическими средствами, то специфическая платоновская стилизация – это в первую очередь синтаксический уровень. «И Макар пошел в барак кушать из котла, чтобы поддержать в себе жизнь для дальнейшей лучшей судьбы»; «Бетонная каша самотеком шла по лоткам, и прочие трудовые события тоже происходили на глазах»; «Макар получил рубль, но отказался от билета, так как он решил жить вперед и безвозвратно» («Усомнившийся Макар»); «Сначала он посещал вокзал, преимущественно товарные платформы прибытия грузов, и там был рад накоплению товаров»; «Все это заготовленное добро посредством усердия товарищеского труда вскоре обратится в прочий уют от вреда осенней и зимней погоды, чтобы самое содержание государства, в форме его населения, было цело и спокойно»; «Леонид вспомнил, что воды в Козьме еще нет, и напился из ведра Петра Евсеевича в запас желудка» («Государственный житель»). Часто повествователь чрезмерно «избыточен» с языковой точки зрения («более выдающийся», «наиболее умнейший», «начальник массовых людей», «ночной ветер природы», «работники труда» («Усомнившийся Макар»), «поселок жилищ» «склон действующего оврага», «давил червя насмерть» («Государственный житель») и т.д.). Примеров оригинального, стилизованного синтаксиса автора-повествователя – не счесть. Мысли героев, которые он зачастую «пересказывает» нам «своими словами», адекватно могут быть переданы лишь в таком, стилизованном виде. Почему своей речью повествователь «подстраивается» под тех, кто является предметом его отображения? Особенность авторского творческого метода вынуждает повествователя быть именно таким.

Язык произведений А.П.Платонова отличается своей оригинальностью именно потому, что автор стремится «раствориться» в «общественном» языке, «спрятать» себя в нем, пытаясь стать

выразителем чаяний и «сомнений» «народа», языком которого он «думает» (платоновский стиль – это стилизованная имитация не устной (сказ), а «внутренней речи»); как справедливо отмечает Л.А.Шубин, это своеобразное мышление, «когда мысль еще только рождается, возникает, “примеряется” к действительности» [9:787]). Иосиф Бродский в предисловии к американскому изданию платоновского «Котлована» писал: «В отличие от большинства своих современников... игравших с языком каждый в свою игру... он (Платонов. – *Прим. ред.*) сам подчинил себя языку эпохи» (цит. по [8:396]). А.П.Платонов как гражданин «по-социалистически» воспринял свой долг перед обществом (как известно, он работал мелиоратором, будучи категоричным в своем убеждении, что писателю необходимо иметь вторую, «производственную» специальность, что быть «просто писателем» – это «даже наглость» [5:191]). Как **писатель** он также старался «перестроить» свою личность на подчинение *авторитарным идеалам*, при котором, в рамках метода социалистического реализма, любые *гуманистические идеалы* (термины Э.Фромма, используемые А.Н.Андреевым в разработке методологии целостного эстетического анализа) будут находиться в непротиворечивой зависимости от классовых интересов. Однако **автор**, представленный в платоновских рассказах, не полностью соответствует такой установке. Именно это несоответствие и порождает ощущение «двусмысленности».

«Думая» на языке тех, интересы кого собрался «представлять» автор, он тем не менее создал их своими субъектами. «Сблизившись» с ними «по форме», он не смог полностью избежать своего ироничного «отстранения» от них по содержанию (вспомним «государственного жителя» Петра Евсеевича, который на протяжении всего повествования искренне «радеет» о благе государства, оставаясь при этом безработным, и, как мы узнаем из концовки рассказа, при каждой перерегистрации на бирже труда чувствует себя «служащим государству»). Однако объектом если не иронии, то, по крайней мере, сомнения, становится в произведениях и созданная автором действительность. Действительность – явно социалистическая. В рассказе «Усомнившийся Макар» в ней «сомневается» персонаж, немного «оттеняя» сомнения автора-повествователя (по словам Е.А.Подшиваловой, Макар «усомнился не только в целесообразности мира, устроенного вопреки интересам человека с “умными руками” <...>, но и в своих возможностях противостоять неразумно устроенной действительности» [7:123], – однако саму «неразумную действительность» создал автор!). В «Государственном жителе» уже

«сомневается» сам автор (герой его как раз абсолютно непоколебим в своей вере), демонстрируя нам не только почти как норму «подчинительное» по отношению к окружающей действительности место личности («Петр Евсеевич себя и государство всегда называл на “вы”, а население на “ты”, не сознавая, в чем тут расчет, поскольку население постоянно существует при государстве и обеспечивается им необходимой жизнью»; «надо населению сказать, чтоб оно тише существовало, иначе машины лопнут от его потребностей»), но и относительную «самостоятельность» этой действительности, малую зависимость ее от «живого человека». Мир в рассказах А.П.Платонова существует как бы «сам по себе», живет не по «объективным» (как уверен Петр Евсеевич), а по своим внутренним, для автора – иррациональным законам. Оставаясь на позициях социалистического реализма – выражая интересы класса, сознавая примат классовых потребностей и идеалов над любыми другими, – автор парадоксальным образом создает миры, в которых, при всей «классовой», «соцреалистической» ориентации, присутствует момент иррационализма данного устройства мира. Принципы обусловленности поведения платоновских персонажей определены законам соцреализма, а сам мир для автора – модернистски абсурден. **Отсутствие мотивированности** основных «принципов поведения» *«размножающейся силы порядка и социальности»* роднит рассказы А.П.Платонова с теми произведениями, которые традиционно относят к художественной системе модернизма.

Не стилизуя автор-повествователь свою речь под «язык эпохи», он оказался бы, вероятно, «советским Кафкой», для которого **очевидна** абсурдность его миров. А «передоверь» автор функцию повествователя какому-либо персонажу, получилась бы либо ироничная или трагическая отстраненность от субъекта такого дремучего сознания, либо «героическое» единение с ним – и автор в любом случае остается в рамках реализма или соцреализма. Именно авторская стилизация **своей** речи позволила выразить оригинальную и противоречивую личность, пытающуюся **понять** то, во что искренне **верит**.

Литература:

1. Атарова К.Н., Лескис Г.А. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39. – № 1. – С. 33 – 46.

2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Издание третье. – М.: Художественная литература, 1972. – 470 с.
3. Бахтин М.М. Слово в романе // М.М.Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 72 – 233.
4. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Межвузовский сборник. – Куйбышев: Издательство Куйбышевского государственного университета, 1981. – С. 39 – 54.
5. Лебедев С.Ю. Среди книг (А.П.Платонов. Записные книжки. Материалы к биографии) // Всемирная литература. – 2001. – № 12. – С. 190 – 191.
6. Платонов А.П. Государственный житель: Проза, ранние соч., письма / Сост. М.А.Платоновой; Предисл. В.А.Чалмаева. – Минск: Мастацкая літаратура, 1990. – 702 с.
7. Подшивалова Е.А. О родовой природе прозы А.Платонова конца 20-х – начала 30-х годов // Андрей Платонов. Исследования и материалы: Сб. трудов / Под ред. Т.А.Николаевой. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. – С. 117 – 125.
8. Сагалова В. Язык Андрея Платонова // Энциклопедия для детей. Т.9. Русская литература. Ч. 2. XX век / Глав. ред. М.Д.Аксенова. – М.: Аванта +, 2000. – С. 396.
9. Шубин Л.А. Платонов, Андрей Платонович // КЛЭ. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – Т. 5: Мурари – Припев. – С. 786 – 787.